

Блокнот без дат

Яромир Лугов

Блокнот без дат

Яромир Лугов

Блокнот без дат

<https://litres.ru/74669248>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь лет назад бывший следователь Артём Лазарев потерял брата и не смог спасти восьмилетнюю девочку. Теперь он просто ходит по городу и записывает в потрёпанный блокнот короткие наблюдения за незнакомцами. Чтобы не забывать, что мир ещё жив. Пока одна случайная встреча не заставляет его услышать то, что он так долго заглушал: мелодию чужих жизней — и свой собственный голос.

Яромир Лугов

Блокнот без дат

Блокнот без дат

Запись 1: Утро

Он проснулся оттого, что замёрз.

Балконная дверь, которую он забыл закрыть вчера, стояла приоткрытой, и ноябрьский воздух спокойно затекал в комнату, обтекая кровать, охлаждал шею, забирался под одеяло.

Артём Лазарев лежал ещё минуту, глядя в потолок. На потолке расплылось желтоватое пятно от протечки — соседи сверху топили уже года три, а он так и не заставил себя вызвать мастеров. Пятно росло медленно, меняло форму, и иногда, в полутьме, Артём разглядывал в нём очертания знакомых лиц. Сегодня пятно было просто пятном.

Он сел на кровати. Одеяло сползло на пол. Он не поднял.

Постель была смята, простыня сбилась в комок у стены. Раньше, в прошлой жизни, он заправлял её уголок к уголку, как учили в училище, как привык за долгие года службы. Раньше он просыпался в шесть, делал зарядку, брился, завтракал ровно в шесть тридцать.

Раньше.

Теперь часы на стене не работали. Он снял их года три назад, когда они упали и разбились, и так и не повесил новые. К чему? Время всё равно тянулось как-то неравномер-

но: то ползло, еле переставляя ноги, то проваливалось в чёрные дыры, из которых он выныривал уже затемно, не помня, куда делся день.

Артём прошлёпал босыми ногами на кухню. Пол был холодный, он не чувствовал. Включил чайник, достал из шкафа кружку. Одну. Потом замер, постоял, и достал вторую.

Синяя. С золотым ободком, почти стёршимся за восемь лет.

Он поставил её на стол рядом со своей и долго смотрел, как пустота внутри неё отражает утренний свет.

Макс.

Он не думал о нём каждую минуту. Мысли о брате приходили волнами: то затишье, когда казалось, что всё уже перегорело внутри, то вдруг накрывало с головой — от случайного звука, от запаха, от цвета чьей-то куртки в толпе.

Вчера накрыло. Потому и дверь забыл закрыть.

Чайник закипел, щёлкнул выключателем. Артём заварил чай, налил себе. Вторую кружку оставил пустой. Просто стояла рядом, свидетельница.

Из открытого ящика стола торчал краешек прозрачного пакета. Он не убирал его глубоко, не прятал — зачем? Синий пластиковый цветок, детская заколка, лежала там уже восемь лет, и он знал, что если открыть ящик и заглянуть, она всё ещё там. Как напоминание. Как вещдок, который он так и не сдал.

Лида Соколова, восемь лет.

Он не открыл ящик. Просто сидел, смотрел на пустую кружку, пил чай, который уже остыл, и думал о том, что пора бы выбросить этот пакет. Или похоронить. Или сжечь. Или оставить всё как есть.

Он не знал, что правильно. И уже давно перестал искать правильные ответы.

Блокнот лежал на столе, там же, где вчера. Потрёпанный, с обложкой, стёртой до картона по углам, переклеенный синей изолентой на корешке. Артём взял его в руки, полистал. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком — строчки, даты, наблюдения.

"Женщина в зелёном пуховике. Плачет на остановке, прячет лицо в шарф. 8:15, среда."

"Мужчина с собакой. Разговаривает с ним, как с человеком. Псу лет пятнадцать, еле идёт. Скоро останется один."

"Девочка в розовой куртке. Бегает по площадке, смеётся. Смех — как у... Надо уходить"

Он не помнил, когда начал это делать. Кажется, после того, как уволился. Когда понял, что без дела, без протоколов, без ежедневной гонки за преступниками — он просто исчезает. Растворяется в тишине квартиры. Блокнот стал якорем. Способом доказать себе: я всё ещё здесь, я ещё вижу, я ещё жив.

Но сегодня даже блокнот не помогал.

Артём закрыл его, отодвинул в сторону. Встал, подошёл

к окну, дёрнул рукой занавеску. Та съехала набок, открывая вид на двор, на серое небо, на редких прохожих, кутающихся в воротники.

Он смотрел и не видел. Раньше взгляд сам выхватывал детали: новый мусорный бак, разбитое стекло, соседку, вышедшую не по расписанию. Раньше он фиксировал, запоминал, записывал.

Теперь всё сплылось в одну серую массу. Люди, машины, деревья — всё одинаковое, всё неважное.

Он постоял ещё минуту, потом натянул старое пальто, обмотал шею серым шарфом, сунул блокнот в карман и вышел.

Зачем? А чтобы не сидеть в четырёх стенах, глядя на пустую кружку.

Запись 2:Город

Ноги вынесли его к заводу. Он не выбирал дорогу — они сами помнили, куда идти. Восемь лет одного маршрута, тело запомнило лучше головы.

У забора стоял мужчина. Тот самый, с цветами. Артём видел его сотни раз. Каждое утро тот приносил алые гвоздики к ржавой сетке, клал их на землю и стоял минуту, глядя в одну точку. Артём никогда не спрашивал, кого он так хоронит. Дочь? Жену? Не важно.

Сегодня мужчина стоял дольше обычного. Артём прошёл мимо, даже не замедлив шаг. Но краем глаза заметил: в его лице что-то изменилось. Не пустота, а... будто он что-то решил.

"Мужчина у завода. Гвоздики. Лицо другое, более решительное. Надо запомнить".

Дальше была школа. Заброшенная, с облупившейся штукатуркой. Стена вся в глазах. Огромных, в полстены, они смотрели на прохожих с разных сторон. Печальные, злые, пустые, голодные. Подросток в капюшоне рисовал новый глаз. Артём задержался на секунду, глядя, как ложится краска, и прошёл мимо. Подросток напрягся, вжал голову в плечи.

"Парень с баллончиком. Рисует на стенах, ищет, внимания."

Потом фонтан. Не работающий, с мутной водой на дне. На скамейке женщина в чёрном пальто. Сидела неподвижно, руки на коленях, глаза закрыты. Артём видел её раньше. Она всегда дирижировала голубям — пальцами, чуть заметно. Сегодня голубей нет. И пальцы не двигаются. Просто сидит.

"Женщина в чёрном, сидит у фонтана. Ждёт. Чего? Голубей?"

Он сел на другую скамейку. Достал блокнот. Открыл чистую страницу. Рука замерла.

Писать было не о чем. Или не для чего.

Мимо прошла девчонка в розовой куртке, лет семи, с мамой. Смеялась. Звонко, как колокольчик. Артём смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом.

Лидя. Восемь лет. Тоже смеялась. Тоже бегала.

Он закрыл блокнот, убрал в карман.

На остановке номер 7 просидел до темноты. Просто сидел, глядя в одну точку. Холодно было, но он не чувствовал. Или не хотел чувствовать.

Потом встал и пошёл домой.

На противоположной скамейке сидела пожилая женщина. Вязала. Спицы мелькали, клубок серой шерсти лежал рядом. Она сидела там, когда он пришёл, и сидела, когда он уходил. Артём не обратил на неё внимания.

Дома было темно. Включив свет, он посмотрел на две кружки на столе. Своя — пустая. Синяя — пустая. Налил чай только себе. Вторую так и оставил стоять. Снова. Как всегда последние восемь лет.

Лёг, не раздеваясь. Заснул сразу.

Запись 3: Тот ,кто продолжил жить

Через полгода Артём увидел его в газете.

Местная пресса, страница с новостями, фото: тот самый мужчина с завода, но теперь он стоял не у забора, а в офисе, с папкой в руках, и рядом другие люди. Заголовок: "*Фонд помощи семьям жертв ДТП открыл новый центр*"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.